
ФОЛЬКЛОРИСТИКА / FOLKLORE STUDIES
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ / LITERATURE STUDIES

УДК : 512.141-3:398.22(=512.141)
ББК:81.2(2Рос-Баш):63.5(2Рос-Баш)

БОЖЕСТВА ВЕРХНЕГО МИРА В МИФОЛОГИИ БАШКИР
The Deities of the Upper World in the Bashkir mythology

Ф. Г. Хисамитдинова (F. Khisamitdinova)¹

¹доктор филологических наук, профессор, директор Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (Ph.D. of Philology, Professor, Head of the Institute of History, Language and Literature at the Ufa Scientific Centre of the RAS). E-mail: hisamitdinova@list.ru.

В статье на лингвистическом, фольклорном и этнографическом материале выявляются мифологические представления башкир, связанные с верхним миром и божествами, которые там обитают. Выделены древнейшие божества типа Самрау, Хумай, Кояш 'солнце', Ай 'луна', имеющие параллели не только в мифологии тюркоязычных, но и отдельных ираноязычных народов. В статье подробно описаны доисламские божества башкир. Более же поздние божества и их названия в работе рассматриваются как сравнительный материал.

Ключевые слова: башкирская мифология, божество, верхний мир, верования, эпос, мифологема, фразеологическое сочетание.

The first written references to Bashkir deities appeared at the beginning of the 10th century. The Secretary of the Embassy of the Arabs to the Bulgars distinguishes 12 deities of the Bashkir people. However, this proved to be true. The deities which have been mentioned by him in his statement actually appear in Bashkir folklore. Foremost among these were the supreme creator Deity of the Sky and Birds — Samrau, and his wives the Moon Deity — Koyash, and the Sun Deity — Ai, respectively. Apart from these, according to the epic *Ural-Batyr*, divine daughters of the supreme Divine Samrau, the Swan-maiden — Homai (with the wife of Sun), and the Bird and Star maiden — Aihylyu (with the wife of Moon) belong to the gods of the upper world. Such characters of divine origin as maidens' winged horses — Akbutat and Kharysai are also depicted in the epic.

Thus, the article, based on folk epic material, reveals the divine essence of the above mentioned characters, which can be confirmed by a number of parallels from fairy tales, riddles and legends of the Bashkir people. A great deal of attention is devoted to the linguistic material. To some of the characters and their names, the author gives the comparative material from the ancient Turkic, Iranian mythology and modern mythologies of Altaians, Kazakhs, Tatars, Chuvashes, Yakuts, and others.

Keywords: Bashkir mythology, deity, the Upper world, beliefs, epos, mythologeme, phraseological unit.

Первые сведения о представлениях башкир, связанных с их божествами, нашли отражение в записках Ахмед ибн-Фадлана, секретаря посольства арабов к волжским булгарам. Ибн-Фадлан, встретившийся с башкирами в начале X в., пишет: «Кое-кто из них говорит, будто бы у него двенадцать господов: у зимы господь, у лета господь, у дождя господь, у ветра господь, у деревьев господь, у людей господь, у лошадей господь, у воды господь, у ночи господь, у дня господь, у смерти господь, у земли господь» [Цит. по: Ковалевский 1956: 131].

Кроме двенадцати божеств, Ибн-Фадлан зафиксировал и тринадцатое божество, о котором он пишет: «а господь, который на небе, самый большой из них. Однако он объединяется с теми в согласии, и каждый из них одобряет то, что делает его сотоварищ» [Цит. по: Ковалевский 1956: 131]. На основании данного текста можно сделать вывод о том, что в верованиях башкир начала X в. было представлено тринадцать божеств, из которых божество Неба было главным.

Аналогичные представления о божествах нашли отражение и в произведениях

башкирского фольклора. Так, например, в мифологических эпических памятниках «Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылыу» и др. представлены божества Самрау, его жены Кояш 'солнце' и Ай 'луна', дочери Хумай и Айхылыу, Шульган и Смерть, Земля-Вода и др.

Согласно тексту эпоса «Урал-батыр», Верховным божеством и божеством Неба и птиц у древних предков башкир являлся Самрау. О нем его старшая дочь Хумай говорит следующие слова:

Мой отец — повелитель птиц —
 Всюду пару искал себе,
 Но не было такой на земле.
 Чтобы равную отыскать,
 Кинулся отец к небесам,
 Встретил Солнце с Луною там,
 Всей душою их полюбил.
 Родилось у него двое детей.
 Ни я с сестрой сводной своей,
 Ни отец наш болезней не знали,
 Смерти власть мы не признавали.
 Отец мой и поныне властвует там

[Урал-батыр 2005: 213–214].

Судя по данному отрывку, Самрау является не только царем птиц, но и повелителем всех трех миров, т. е. верхнего, где он является божеством Неба и живет со своими женами Солнцем и Луной, среднего, где он является повелителем птиц, и нижнего, куда он отправил все темные силы, дивов и змей. Поэтому его дочь — солнечная дева и девушка-лебедь Хумай с гордостью говорит: «Мой отец под землю даже меня отыщет и вас накажет, дочь я царя, чье имя Самрау» [Урал-батыр 2005: 214].

Согласно данному эпосу-кубаиру, у Верховного божества башкир Самрау есть жены — божества Кояш 'солнце' и Ай 'луна', дочери Хумай и Айхылыу, которые могут принять любой облик, как и сам Самрау. Самрау, как и все его семейство, бессмертен. Он представлен как добрый и справедливый повелитель. Об этом говорит Урал Шульгану в ответ на его предложение напасть на страну Самрау:

Знай, Шульген: они никогда
 Людям не причиняли вреда,
 Кровь ничью они не проливали,
 Других врагами не считали

[Урал-батыр 2005: 286].

Имя божества Самрау в фольклористической литературе обычно связывается с наименованием мифической птицы *Самре* 'Самри', *Самрегош* 'Самригуш', в основ-

ном представленной в башкирских народных сказках. Так, в сказках «Айыугулак», «Камыр-батыр и баба-яга» Самригуш является огромной птицей, живущей на вершине самого высокого в мире дерева и имеющей птенцов, которых каждый год съедает Аждаха, громадный змей. По сюжету сказок, батыры из-за предательства друзей оказываются под землей. В поисках дороги на землю батыры обеих сказок оказываются у громадного дерева, на вершине которого они замечают гнездо и детей Самригуша, на которых нападает Аждаха (змей). Батырам как первой, так и второй сказки удается убить Аждаху (змея) и спасти детей Самригуша. За это могучая птица доставляет обоих героев на землю. В сказках показаны и исцеляющие свойства птицы Самригуш. Судя по сюжетам указанных сказок, птица Самригуш исцеляет раны батыров взмахом крыла или зализыванием раны языком [Башкорт халык 1978: 100–104].

Заслуживающие внимания подробности встречаются в башкирской сказке «Самригуш и мудрец». Во-первых, здесь говорится о том, что Самригуш является царем птиц. Во-вторых, Самригуш выкраденной им еще в детстве царевной назван «миңе эсэйем» 'моя мама', т. е. представлен женским персонажем. В-третьих, согласно данной сказке, Самригуш от обиды навсегда улетает за гору Кафтау, т. е. в Иные миры [Башкорт халык 1976: 297–300]. Эти подробности позволяют говорить о том, что мифический персонаж эпических памятников Самрау и Самригуш башкирских сказок близки не только по названиям, но и по функциям, характеристикам. Как и в кубаире-эпосе «Урал-батыр», персонаж сказок Самригуш является царем птиц, властителем трех миров, имеет детей, живет на вершине громадного дерева, т. е. на небесах, помогает и покровительствует земным батырам. Приведенные сведения дополняют данные кубаира-эпоса «Урал-батыр» и свидетельствуют в пользу божественного происхождения Самрау.

Необходимо отметить, что мифическая птица Самурык/Самрук, подобная башкирскому Самрау, зафиксирована в казахской мифологии. По легендам и сказкам казахов, птица Самурык/Самрук живет на вершине мирового дерева Байтерек. Как известно, мировое дерево в мифологии тюрков является осью мира, оно связывает верхний (небеса), средний (мир людей) и нижний (под-

земный) миры. В казахских сказках и легендах герой также попадает в подземный мир, откуда ему помогает выбраться громадная птица Самурык/Самрук в благодарность за то, что он спас ее птенцов от дракона Айдахара или Айдархана [Кондыбай 2005: 201–202].

Очевидно, что и по названиям, и по содержанию фольклорные произведения о Самрау, Самригуше, Самруке у башкир и казахов очень близки и, вероятно, восходят к одному источнику. Следует отметить, что мифологические представления, связанные с царем птиц типа Самрау, Самрук, Самригуш, кроме башкир и казахов, зафиксированы в народно-поэтической культуре казанских и сибирских татар, народов Средней Азии, ряда иранских и славянских этносов. В мифологиях указанных народов царь-птица выступает как птица счастья, судьбы, справедливости. Она является покровителем рода, народа, отдельных семей. В ряде мифологий отмечаются целительские функции царя птиц. В мифологиях данных народов птица Симург, Самрау, Самрук, Самригуш, Семаргл выступает и как божество — божество птиц, божество Неба, божество Судьбы [Мифы 1992: II, 436–437, 424–425, 537]. Отмечено, что в ареалах распространения данных представлений божественную птицу почитают, ей поклоняются во многих странах мира, как и башкиры [Symbolarium / Симург].

Таким образом, нашедшее отражение в национальном кубаире-эпосе «Урал-батыр» Верховное божество, божество Неба и птиц Самрау, имеет глубокие корни в башкирской мифологии. Представления, связанные с этим божеством, не ограничиваются только тюркским миром, они охватывают иранский, частично индоиранский миры. Использование образа Верховного божества, божества Неба и птиц в качестве бренда и тренда в современном Башкортостане косвенно свидетельствует о глубине проникновения этого образа в башкирскую народную культуру.

В то же время следует отметить, что на определенном этапе развития башкирской мифологии, видимо, произошло слияние образов Верховного божества, божества Неба башкир Самрау и древнетюркского Верховного божества и божества неба Тенгри, так как уже в эпосе «Урал-батыр» о демиурге — создателе Уральских гор Урал-батыре, есть характерные строки:

Атаң безгә Тэнреләй
Ярзам итте, балакай...
Отец твой — как Тенгри-бог для нас,
Всех от страшной участи спас...

[Урал-батыр 2005: 163].

Заметим, что в других произведениях башкирского фольклора нет упоминания имени Самрау как Верховного божества. В них в основном в качестве божества Неба и Верховного божества упоминаются теонимы *Тәңре* 'Тенгри', *Хозай* 'Худай', *Алла* 'Аллах', которые, по-видимому, проникли в мифологию башкир в более позднее время. Несмотря на близость башкирской мифологии к мифологии тюрков Сибири, у башкир божество верхнего мира по имени Ульген не отмечено.

Однако в некоторых башкирских сказках в благодарность за спасение от Аждахи своих птенцов батыра доставляет на землю огромная черная птица *Карагош* 'Каракуш', а не Самригуш. Таким образом, функционально птицы Самригуш и Карагуш оказываются близки. Следует отметить, что гигантская мифическая птица Карагуш, Каракус, Алып-Каракус зафиксирована в мифологии казахов, киргизов, татар, азербайджанцев, алтайцев и других тюркских этносов [Symbolarium/Каракус; Урманче 2009: II, 132–133]. Следовательно, можно предположить наличие нескольких пластов в мифологии башкир, связанных с царь-птицей, божеством Неба и птиц Самрау. Если персонаж и его названия Самрау, Самригуш связаны с иранской мифологией, то Карагуш (тюрк. *каракуш* 'орел, беркут, большой подорлик', досл. «черная птица») в башкирской мифологии восходит к общетюркским истокам.

В кубаире-эпосе «Урал-батыр», кроме Верховного божества и божества Неба и птиц Самрау, представлены небесные божества *Кояш* 'солнце' и *Ай* 'луна'. *Кояш* 'солнце' здесь является одним из главных божеств — в качестве жены главного божества Самрау и матери богини Хумай. Солярное божество *Кояш* дарит своей дочери Хумай небесного коня Акбузата, который в определенном смысле связан с судьбой солнечной девы, будучи ее покровителем.

Представления башкир, связанные с божеством Солнца как его олицетворением, находят отражение и в других произведениях национального фольклора. Так, во многих районах Башкортостана сохранились легенды о том, что солнце является

красивой девушкой, вышедшей со дна моря. В частности, об этом говорится в легенде, записанной в 2006 г. в Бураевском районе Башкортостана фольклористами Института истории, языка и литературы УНЦ РАН: *Кояш диңгеззән сыжкан матур кыз. Кояш күк тәңреһе. Тәңреләрҙең иң зурыһы, — тейҙәр. Иң яҡшы теләк әйтәләр аңа карап: 'Солнце — вышедшая из моря красавица. Говорят, что Солнце является божеством Неба, что оно — главное божество на небе. С самыми лучшими пожеланиями обращаются к нему'* [Экспедиция 2008: 66]. Интересно отметить, что аналогичную легенду о солнце в XIX в. записал у башкир русский исследователь М. В. Лоссиевский: Кояш — русалка, вышедшая со дна моря. Ее русые в несколько обхватов волосы лежат на поверхности воды. Она руками достает с неба звезды и прикалывает к волосам [Лоссиевский 1878: 36].

О божественном происхождении солнца свидетельствует и языковой материал. В частности, с олицетворением солнца связаны фразеологизмы *кояш ашау* 'выгореть на солнце', досл. «съедание солнцем» (цвета чего-нибудь); *кояш тотолоу* 'солнечное затмение', досл. 'похищение, хватание солнца'; *кояш апай* — обращение к солнцу в детской закличке, досл. 'сестра (тетя) солнце' — и др. [Академический словарь 2012: Т. 4; 15]. Следует также добавить, что и с синонимом слова *кояш* — *көн* в башкирском языке представлено множество аналогичных фразеологизмов: *көн бите* 'солнцек', досл. 'лик, лицо солнца'; *көн колагы* 'ореол солнца', досл. 'уши солнца'; *көн үтеү* 'получить солнечный удар', досл. 'проникновение солнца' и др. [Академический словарь 2012: Т. 5; 657–675].

Об олицетворении солнца свидетельствуют и диалектные названия запада и востока у башкир: *көнпатыш* (каридельский) 'запад', досл. 'место, куда тонет солнце'; *көнинеш* (средний) 'запад', досл. 'место, куда солнце ежедневно заходит'; *көнкуньш* (аргашский) 'запад', досл. 'место, где солнце спит'; *көнтыуыш* (айский, миасский) 'восток', досл. 'место, где рождается солнце', и др. [Академический словарь 2012: Т. 5; 662, 667, 669, 673].

В башкирской народной культуре сохранились реликты клятвы с упоминанием солнца. Ср.: *Ант иткәндә: Ана кояш! — тип кан әскәндәр*. 'Когда давали клятву, произносили: „Вот солнце!“ — и пили

кровь'. Кроме приведенного выражения, сохранились следующие клятвенные слова: *кояштыр!* 'вот солнце', *кояш менән ант итәм* 'солнцем клянусь' — и др. [Хисамитдинова 2010: 197]. В башкирских мифологических рассказах, легендах и преданиях сохранились названия солнца, свидетельствующие о его восприятии как божества: *Көн әйһе* 'Дух, хозяин солнца', *Кояш тәңре* 'Божество солнца', *Кояш батшаһы* 'Царь солнца', *Көн әйәләре* 'Духи, хозяева дня (солнца)' — и др. [Башкорт 1995: I, 329; Хисамитдинова 2010: 195–196].

О представлениях башкир, связанных с божеством Солнца, свидетельствуют и названия божьей коровки, зафиксированные в диалектах. Ср.: *Кояш апай*, досл. 'сестра (тетя) солнце'; *Кояшкорт*, досл. 'солнечный червь'; *Кояшымбак*, досл. 'смотрящий на солнце'; *Сыуағанай*, досл. 'Солнце-тетя'; *Әбей кояшы*, досл. 'бабушкино солнце'; *Көһйылыткыс*, досл. 'греющий солнце' — и др. [Хисамитдинова 2010: 195–196, 151, 369, 273]. Божья коровка является одним из самых мифологизированных насекомых у башкир, как и у многих народов мира. Божью коровку в мифологии обычно связывают с богом, его живностью. Например, в славянских языках отмечены такие названия божьей коровки: божья овечка, божий барашек, божий теленок и др. [Славянская 2002: 50].

В башкирском языке, кроме литературного *камка*, зафиксированы следующие названия божьей коровки: *Алла бабай сыйыры*, досл. 'корова деда Аллаха'; *Алла пипейе*, досл. 'цыпленок Аллаха'; *Алла бабай пипейе*, досл. 'цыпленок бабушки Аллаха' и др. [Хисамитдинова 2010: 23–24]. Факты языка дополнительно свидетельствуют о том, что *кояш/көн* 'солнце' в мифологии башкир является божественной сущностью. Кроме того, в отдельных легендах в отличие от эпоса «Урал-батыр» Солнце представлено как мужской персонаж. Например, по легенде «Племя тангаур», пра матерью башкир-тангауров является девушка, зачавшая от солнечного луча [Башкирское 1987: II, 122]. Таким образом, по этой этногенетической легенде, *Кояш* 'солнце' — мужчина, отец рода. Как известно, мотив рождения от луча солнца встречается в верованиях многих тюркоязычных народов [Мифы 1992: II, 461–462].

Интересно отметить, что в именнике башкир с элементом *кояш* (*көн*) представ-

лены как мужские, так и женские имена: Кояш Галикеев (имя башкира начала XIX в.; Кояшбикэ — женское имя из именника башкир XVIII в.; Көнһылыу, Көнбакты и др. — личные имена башкир XX в. [Хисамитдинова 2010: 84; Кусимова, Бикколова 2010: 232]. Добавим, что божество *Kün täŋri* ‘бог-солнце’ зафиксировано в памятниках древнетюркской письменности [Древнетюркский 1969: 326]. Из мифологических воззрений современных тюрков стоит отметить наличие нескольких солярных божеств у чувашей (Божество солнца, Отец солнца, Мать солнца, Дети солнца [Мифы 1992: II, 538].

В башкирской народной культуре существует множество запретов, благопожеланий, проклятий, связанных с солнцем. Так, по верованиям башкир, солнцу нельзя показывать грязь, различные нечистоты, непогребенных покойников, нельзя говорить «*Кояш сыкты*» (досл. «солнце вышло»), «*Кояш батты*» (досл. ‘солнце утонуло’). Если не соблюдать эти запреты, солнце может обидеться, разгневаться и наслать проклятия. Например, если сказать «*Кояш сыкты*», солнце может наслать проклятие: «*Узеңдең дә күзең сыкһын!* — ‘Пусть и твои глаза вылезут!’» [Хисамитдинова 2011: II, 124].

У башкир до сих пор сохранились обряды, связанные с солнечным затмением. Например, при затмении солнца башкиры заставляют плакать детей, кричать животных, совершают обряд жертвоприношения, обращаются с молитвой к солнцу: «*Шөкәрана, шөкәрана. Якты донъяла йәшәгән өсөн, йылыткан өсөн рәхмәт, тазарткан өсөн рәхмәт* — ‘Господи, благодарю, благодарю за все, за все! За то, что живу на белом свете, за то, что ты согреваешь, очищаешь’» [Хисамитдинова 2011: II, 126]. Солнце как божество предстает и в обряде вызывания солнца *Аяз теләу*. Суть его сводится к тому, что при затяжных дождях на горе или на другом возвышенном месте совершали жертвоприношение *Ак корбан* ‘белый курбан’ и проводили коллективные моления в честь солнца [Хисамитдинова 2010: 16]. Таким образом, представления о солнце как божестве нашли отражение во всей народной культуре башкир.

Другим божеством верхнего мира, сохранившимся в башкирской народной культуре, является Ай ‘луна, месяц’. Кроме эпоса «Урал-батыр», в котором божество

Ай явлено как женщина, мать, жена, представления, связанные с лунной (месяцем), нашли отражение в легендах и сказках башкир. Так, в легендах, связанных с лунной девушкой — Ай кызы, Ай ‘месяц’ предстает в облике юноши, мужчины, забирающего к себе обиженную сироту и любившую его девушку: Одна очень красивая башкирская девушка пошла лунным вечером за водой. Вечер был прекрасный, тихий месяц светил так ярко, что девушка залюбовалась его сиянием. «Какой славный этот месяц, — подумалось ей, — и, верно, добрый, так весело смотрит с неба, как будто улыбается!». Погруженная в такие думы, приблизилась к источнику, зачерпнула в ведра воды. Потом оглянулась и заметила на берегу торчащую из-под песка, омытую дождями кость, — должно быть, богатырскую: кому же, как не могучему батыру, могла принадлежать такая кость? «Какой могучий батыр был! — воскликнула она и, взглянув на месяц, невольно продолжала, — Если бы у меня был такой муж, как месяц, я непременно родила бы ему такого же статного богатыря». И месяц взял тогда девушку себе в жены. Вот и стоит она в небе с коромыслом и ведрами [Лоссиевский 1878: 36].

Любопытные представления, связанные с лунной (месяцем) нашли отражение в малых жанрах башкирского фольклора — как, например, в загадках:

Поле не мерено,
Скот не считан,
Пастух рогат
(звезды и месяц) [БНТ 1993: 152],

Пастух вечный
Пасет стадо овечье
(звезды и месяц) [БНТ 1993: 154],

Овцы крылаты,
Пастух рогатый
(звезды и месяц) [БНТ 1993: 154], —

где Ай ‘месяц’ кодифицируется в образе небесного пастуха, пасущего небесный скот (звезд).

В башкирской мифологии Ай ‘луна, месяц’ является объектом поклонения, культа, о чем свидетельствуют обычаи, обряды, запреты башкир. При появлении на небе народившегося месяца произносились благопожелания:

Ай күрзем аман менән
Ауызым тулы иман менән,
Итәгем тулы бала менән,

*Кәртәм тулы мал менән,
Ошо айза вафат булһам,
Уткәр, Хозайым, иман менән, —*

[Хисамитдинова 2002: 6].

Увидел луну в добром здравии,
Мои уста и душа полны молитвами,
Полон мой дом детьми,
Полон мой хлев скотиной,
Если в этом месяце суждено
Мне покинуть этот мир,

Прими меня, мой Худай, как верующего, —
сопровождавшиеся подпрыгиванием и троекратным повторением фразы: «*Ай курзем! Ай курзем! Ай курзем!*» — Луну увидел, луну увидел, луну увидел.

Особое отношение башкир к луне фиксировано наличием в их именнике множества имен с элементом *ай* 'луна, месяц'. Ср.: Айбулат, Айтуган, Айбикә, Айгиз, Айгөл, Айһылыу и др. Подобные имена свидетельствуют о вере в то, что луна может оказывать покровительство людям с «лунными именами». В то же время «лунные имена» у башкир считаются тяжелыми, опасными для детей. Поэтому в случае смерти ребенка с «лунным именем» до сих пор говорят: «*Исе-ме ауыр булган, исемен күтәрә алмаган*» [Хисамитдинова 2011: I, 33] — Имя оказалось тяжелым, не смог поднять (носить, вынести) такое имя, — словно признавая, что покровительство луны может получить не каждый. Очевидно, с оберегающей, покровительственной функцией луны связано и наличие лунных этнонимов и онгонов у башкир. Например, одно из крупных родоплеменных объединений северо-восточных башкир носит название ай/эйле 'айлинцы'. Основной тамгой айлинцев также является ай-тамга [Кузеев 1974: 194–219, 290–292]. Кроме айлинцев, ай-тамга встречается в родоплеменной атрибутике башкир-кубалаков, тияуцев, бишул-табынцев, а также у табынцев северо-западного Башкортостана и восточного Татарстана [Кузеев 1974: 246–287, 295–298].

Луна — Ай является одним из самых мифологизированных небесных тел, поэтому у башкир существуют поверия, связанные и с ее фазами. Например, период новолуния у башкир считался благоприятным временем для замужества и женитьбы. Только на новую луну постригали первые волосы младенца, стригли ногти, начинали важные дела, веря в то, что вместе с луной будет расти ребенок, успех, благосостояние. Когда на небе появлялся молодой месяц, башкиры

обращались к нему с мольбой о прощении грехов, оказании покровительства детям и молодым, только вступившим в брак, о благословении новых начинаний и т. д.

Увидел(а) я месяц — душе просветление,
Увидел(а) я месяц глазами лучистыми,
С полным двором и хозяйским домом,
Встретила с чистыми, светлыми мыслями,
Встретила знанием, даренным верою.
Сколько нам с месяцем жизни отмерено,
Дать прожить с благословением.
Луне — начало,
Мне — жизнь!

[Башкирское народное 2010: XII, 159].

Существует множество запретов, связанных с убыванием луны. Например, в период убывания луны нельзя начинать новое дело — оно не будет успешным, стричь волосы — не будут расти и т. д. В конце последней фазы убывания луны «*Ай өзөгөндә*», в перерыве перед новолунием нельзя выходить замуж — брак будет несчастливим, нельзя резать скот — год не будет плодотворным и т. д. В основе этих поверий лежит вера в существование взаимной связи между убыванием луны и убыванием благосостояния людей, отсутствием будущего. Аналогичная семантика усматривается в поверье, согласно которому, в период убывания луны необходимо изгонять болезни, неудачи, несчастья. В различных заклинаниях, нацеленных на изгнание злых духов, демонов болезней, несчастий, упоминается божество Луны. Это связано с тем, что луна появляется в вечерне-ночное время, в конце дня-жизни, и если Солнце — день дарит жизнь, то Луна способна избавить от болезней. В период убывания луны заговаривают мозоли, бородавки: «*Ай за кайткан, кән дә кайткан, һин дә кайт инде!*» ('И Луна ушла, и солнце ушло, ты тоже уходи!'). В одном из вариантов заговаривания мозоли/бородавки ее показывают ночью луне, приговаривая: «*Кайза һинең тәтәйең? Бына минең тәтәйем!*» — 'Где твоя игрушка? Вот моя игрушка!' Здесь демонстрируется вера в возможность общения с луной, желание заинтересовать, обмануть ее, чтобы она забрала болезни [Хадыева 2005: 54–56].

Со словом *ай* 'луна, месяц' в башкирском языке представлено множество фразеологических сочетаний. Ср.: *ай башы* 'новолуние', досл. 'голова луны'; *ай бите* 'лик луны', досл. 'лицо луны'; *ай колаклары*

‘появление ореола вокруг луны’, досл. ‘появление ушей у луны’; *ай тотолоу* ‘лунное затмение’, досл. ‘глотание луны’, ‘хватание луны’; *ай эрэйеу* (иргизский), ‘затмение луны’, досл. ‘обида луны’ и др. Перечисленные и другие фразеологизмы со словом *ай* свидетельствуют об олицетворении луны у башкир.

О том, что в башкирской мифологии Ай ‘луна (месяц)’ была одним из небесных божеств, свидетельствуют и названия персонажей типа *Ай эйәһе* ‘дух луны’, *Ай хужаһы* ‘хозяин луны’, *Ай кызы* ‘лунная девушка’, *Ай кусты* ‘месяц — брат’ и др., встречающиеся в легендах, мифологизированных рассказах, запретах башкир, как и других тюркских народов: ведь божество Луна — *Ај тәңгі* было известно еще в древнетюркской мифологии [Древнетюркский 1969: 24].

Как уже говорилось выше, божественными качествами в эпических текстах «Урал-батыр» и «Акбузат» характеризуется и дочь верховного божества Самрау и Солнца (*кояш*), златовласая девушка Хумай. Она представлена в образе лебедя или девушки. Хумай способна жить и на небе, и на земле. Она, как сотворенная из солнечных лучей, омытая матерью — Солнцем водой из Живого родника, бессмертна [Урал-батыр 2005: 214]. После смерти Урал-батыра она возвращается на земли Урала лебедем в сопровождении зверей и птиц, тем самым населяя родину своего мужа животными. В эпосе «Акбузат» Хумай предстает в облике большой птицы и помогает Хаубану победить царя подводного царства, Шульгена. Таким образом, в обоих памятниках Хумай является одним из древних покровителей, божеств башкир.

С именем *Һомай*, *Һомай кош*, кроме солнечной девы *Һомай* ‘Хумай’, в башкирской мифологии представлена мифическая птица счастья Хумай, или Хумай куш. Легенды гласят: кому доведется увидеть эту птицу, тот станет счастливым и удачливым. Птица Хумай отобразена и в сказках башкир, где также говорится о том, что тот человек, на кого упадет ее тень, будет счастливым и удачливым. В словарях башкирского языка зафиксировано название живущей только на небе мифической птицы Хумай (*Һомай*, *Һомайгош*), тень которой делает счастливым, везучим, удачливым человека, на которого она упала. По поводу происхождения персонажа и слова *Һомай* в

башкироведении существует несколько точек зрения.

Согласно первой, башкирский мифический персонаж Хумай восходит к мифической птице иранских народов Хума ‘птица, предвещающая счастье’; Хомаюн ‘счастливый, августейший’. Птица счастья встречается в мифологиях народов Средней Азии, Сибири (Умай), Индии (Гаруда), арабских стран (Хумайя), славян (Гамаюн) [Мифы 1992: I, 266–267; II, 546]: эта птица делает властителем человека, на которого упала ее тень, т. е. для нее характерны божественные функции. В индуистской же мифологии представлена добрая, мирная богиня Ума, являющаяся женой Шивы [Мифы 1992: II, 643]. Таким образом, можно предположить, что башкирское мифологическое божество Хумай восходит к индо-иранской мифологии, в особенности, если учесть, что участие ираноязычных племен в этногенезе башкир принимается большинством башкироведов [Кузеев 1974: 382–384].

Вторая группа исследователей связывает появление божества Хумай в башкирской мифологии с древнетюркской, точнее, пратюркской мифологией [Тухватуллина 1986: 132]. Как известно, божество Умай представлено в памятниках древнетюркской письменности, где выступает вторым по значимости после Тенгри божеством, приносящим счастье, удачу, одаривающим тюрков особой, божественной силой. В отдельных памятниках богиня Умай выступает в качестве жены верховного божества Тенгри и покровительницы тюркских каганов, воинов. В памятниках материальной культуры божество Умай обычно изображается с луком и стрелой [Мифы 1992: II, 537–540], что также свидетельствует о покровительстве божества Умай воинам-тюркам.

Отметим и то, что божество Умай известно в мифологии современных тюрков Сибири. Однако функции Умай в них сужены. Она предстает в основном как богиня-покровительница детей и женщин. У отдельных тюрков Сибири богиня Умай выступает защитницей рожениц. Не случайно слово *умай* в различных фонетических вариантах употребляется в качестве названий отрезанной пуповины, чрева матери, матки. Судя по материалам, богиня Умай у некоторых тюркских народов считалась богиней плодородия и благополучия, покровительницей рода и семьи. Согласно же представ-

лениям алтайцев, богиня Умай считается еще и хранительницей очага, семейного благополучия [Мифы 1992: II, 547].

В целом, можно сказать, что функции богини Умай древних и современных тюрков, а также Хумай из башкирских кубаиров близки. Кроме отмеченных выше функций, как богиня Хумай, так и Умай являются посредниками между верховным божеством Неба и миром людей, животных.

Айхылыу, вторая дочь верховного божества Самрау, по-видимому, также относится к древним божествам башкир. Во-первых, она является дочерью двух божеств: божества Луны — Ай и Самрау. Во-вторых, она, как и ее сестра Хумай, может принять любой облик, но чаще предстает в облике прекрасной девушки (об этом говорит и ее имя — «лунная красавица» или «луноподобная красавица») и птицы — как она сама говорит: «такой, что людям и не приснится, такой, каких на земле не бывает» [Урал-батыр 2005: 275]. Судя по автохарактеристике, Айхылыу является не простой девушкой, а божественной, небесной девой. При описании красоты Айхылыу в кубаире особенно выделено ее небесное свойство — лунное, ярче звезд, сияние:

Все красавицы как на подбор —
Сердце греют и тешат взор,
Можно голову, потерять!
Но даже средь таких одна,
Как среди звезд ночных луна,
Сияет так, что слепит глаза —
Взгляд оторвать от нее нельзя.
Тонок стан ее, взор глубок;
Родинка на ее щеке
Нежно темнеет, как цветок.
Айхылыу имя девушки той.
Не видел Шульген красавиц светлей...

[Урал-батыр 2005: 275].

После возвращения из плена Айхылыу отправляют на Луну, при этом ее отец Самрау говорит напутственные слова:

От всех пережитых бед
Ее исцелит лишь матери свет.
Пусть она к матери-Луне
Полетит и наш передаст привет

[Урал-батыр 2005: 295], —

свидетельствующие, во-первых, о медиаторской роли Айхылыу: она связывает Самрау с Луной, во-вторых, о связи самой Айхылыу с Луной как ее матерью. С другой стороны, Айхылыу, отправленная на небо к матери, предстает звездой, недоступной дивам. О том, что Айхылыу может быть

звездным божеством, говорят и следующие строки:

С неба что-то, огнем польхая,
Стало падать, плача, стеная...

.....
Клок огня, что с небес спускался,
Девушкой Айхылыу оказался...

Тесную связь Айхылыу с Луной и небом подтверждают и слова Айхылыу своему сыну от Шульгена, Сакмару:

Знай: от Луны я рождена,
Что озаряет ночную мглу.
Мать любила очень меня;
Когда я стала жертвой Шульгена,
Потускнела она мгновенно,
Вся печалью серой покрылась,
Темной думою замутилась;
Каждый день ее меркнет взор,
Слабнут лучи, что видят позор...

[Урал-батыр 2005: 310].

Таким образом, девушка-птица Айхылыу, как и ее сестра Хумай, имеет божественное происхождение. Возможно, она является божеством — звездой, живущей рядом с луной, т. е. башкирской Венерой, близкой к общетюркской Сулпан.

Необходимо также отметить, что в верхнем мире, кроме Самрау, его жен и дочерей, обитают и небесные кони — Акбузат, который принадлежит солнечной деве Хумай, и Харысай, рыжий конь лунной девушки Айхылыу. Обе сестры гордятся своими конями и хотят их подарить своим суженым в качестве приданого. Вот как говорит об этом Айхылыу:

Мой отец — падишах
А Луна — мне небесная мать.
Чтоб нареченному подарить,
Есть у меня рыжий конь — Харысай:
Воды захочешь — к ней путь найдет,
В бой с тобою, как друг, пойдет

[Урал-батыр 2005: 275–276].

Старшая из дочерей Самрау, Хумай также хочет подарить полученного от своей матери Кояш коня Акбузата своему нареченному:

Батыров моих наперечет
Знаешь ты — им узду не давал,
Достойными себя не считал;
Ну а сам для меня батыра
Тоже искать по свету не стал.
Вот два батыра, что здесь сошлись,
Прихода твоего заждались.
Сочтешь ли своим того, кто пригож,
По богатству ли изберешь,

Только один в твоей судьбе
Станет избранником, другом тебе,
Так же, как нареченным мне

[Урал-батыр 2005: 290].

Кони Акбузат и Харысай, живущие в верхнем мире и подаренные Солнцем и Луной своим дочерям, также обладают божественными качествами. Во-первых, они наделены даром речи, во-вторых, сами выбирают батыров-избранников своим хозяином, в-третьих, конь Акбузат является опорой, помощником батыра, в четвертых — родоначальником земных коней: Акбузат «лошадиный род единил, во главе табунов сам шел, всех затем он сюда привел». Таким образом, небесные кони Акбузат и Харысай в эпосе предстают божествами-помощниками небожителей, покровителями лошадей и других животных.

Божественные качества коня Акбузата нашли отражение и в посвященном ему кубаире-эпосе «Акбузат». Согласно тексту, богатырский конь Акбузат живет на дне озера. Этого коня покойного Урал-батыра туда спрятал царь подводного мира Шульген [Башкорт/Надршина 2010: 76]. Акбузат в одноименном эпосе, во-первых, умеет говорить, во-вторых, обладает умом, давая советы, помогая и в целом покровительствуя герою.

Таким образом, верхний мир в башкирской мифологии населяют божества — Неба Самрау (который в отдельных легендах назван Тэнре, Күк тэнре, Хозай), Солнца Кояш (Көн), Луны (месяца) Ай, девушки-птицы Хумай и Айхылыу, небесные кони Акбузат и Харысай.

Источники

- Академический словарь башкирского языка / ред., сост. Ф. Г. Хисамитдинова. В 10 т. Т IV. Уфа: Китап, 2010. 944 с.
- Академический словарь башкирского языка / ред., сост. Ф. Г. Хисамитдинова. В 10 т. Т V. Уфа: Китап, 2012. 888 с.
- Башкирское народное творчество (БНТ). В 18 т. Т. 2. Предания и легенды. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1987. 576 с.; Т. 12. Обрядовый фольклор. Уфа: Китап, 2010. 592 с.
- Башкорт халык ижады (БХИ). Экиэттәр. (Башкирское народное творчество. Сказки). К. 2. Өфө: Башкортостан Китап нәшриәте, 1976. 376 б.; К. 3. Өфө: Башкортостан Китап нәшриәте, 1978. 350 б.
- Башкорт халык ижады (БХИ). Йола фолжклоры (Башкирское народное творчество). Т. 1. Обрядовый фольклор. Өфө: Башкортостан Китап нәшриәте, 1995. 560 б.
- Башкорт халык кобайыр-иртәктәре. (Башкирские народные кубаиры-иртеки) / ред. Ф. Надршина Өфө: Китап нәшриәте, 2010. 280 б.
- Древнетюркский словарь / Наделяев В. М. и др. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. 676 с.
- Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков: Изд-во Харьков. ун-та, 1956. 398 с.
- Лоссиевский М. В. Башкирская легенда о месяце // Оренбургский листок. Оренбург. 1878. № 36.
- Урал батыр. Башкорт халык кобайыры = Урал-батыр. Башкирский народный эпос = Uralbatur Bashkort Folk Epic // сост. Ф. А. Надршина. 2-е изд. Уфа: Информреклама, 2005. 468 с.
- Экспедиция материалдары — 2006: Бөрәй районы. Өфө: Делов. династия, 2008. 240 с.

Литература

- Кондыбай С. Казахская мифология. Краткий словарь. Алматы: Нурлы Алем, 2005. 272 с.
- Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М.: Наука, 1974. 576 с.
- Кусимова Т. Х., Бикколова С. А. Башкорт исемдәре. (Башкирские имена). Уфа: Китап, 2010. 176 с.
- Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 т. Т. I. М.: Сов. энцикл., 1992. 719 с.
- Овсянников В. В. Предисловие // История башкирского народа. М.: Наука, 2009. 400 с.
- Славянская мифология. Энциклопедический словарь. А-Я. 2-е изд., испр. и доп. М.: Междунар. отношения, 2002. 510 с.
- Тухватуллина В. Ж. Собственные имена в эпосе «Урал-батыр» // Исследования по башкирской диалектологии и ономастике. Уфа: БФАН СССР, 1986. 248 с.
- Хадыева Р. Н. Башкирская этнокультура и язык. Опыт воссоздания языковой картины мира. М.: Наука, 2005. 248 с.
- Хисамитдинова Ф. Ф. Башкорт мифологияһы. Белешмә һүзлек. Өфө: Ғилем, 2002. 126 с.
- Хисамитдинова Ф. Г. Башкирская ойконимия XVI–XIX вв. Уфа: Башкнигоиздат, 1991. 304 с.
- Хисамитдинова Ф. Г. Словарь башкирской мифологии. В 3 кн. Кн. 1. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 164 с.; Кн. 2. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 152 с.; Кн. 3. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 128 с.;
- Symbolarium.ru / index.php / Каракус/Симург.